

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCES AND AREA STUDIES»

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ /
THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS

Серия «Политология. Религиоведение»

2016. Т. 18. С. 11–28

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 32

Парадигма и идеология общества позднего модерна

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье дается осмысление парадигмы как феномена и в особенности парадигмы модерна как самого сложного явления глобальной цивилизации. Фундаментальность этого понятия проявляется в форме и процессе, недоступных для их полного понимания и осознания. Но жизнь позволяет всем и каждому жить, не понимая ее сути и сущности мироздания. Современный мир – это мир модерна, вне зависимости от того, знают ли люди и этносы об этом, согласны с этим или представляют современный мир по-иному. Модерн – это первый сознательный социально-политический проект человечества, и это исторический проект. Проект, имеющий свои границы, формы, структуру и культуру, но не имеющий цели и смысла, во всяком случае человеческого. Попытки использовать его в своих целях, даже если это пытаются сделать целая цивилизация, бессмысленны. Модерн – это непрерывные старания человеческой совокупности построить удобную (или правильную) модель человечества, включающую в себя культуру, экономику, политику и людское бытие. Эти попытки есть результат реализации разнообразных идеологий как виртуальных конструктов и творческих технологий. Идеологии маскируются под естественные процессы, мимикрируют под религиозные доктрины, оформляются как научные проекты. Будучи виртуальными мыслительными конструкциями, они овладевают сознанием масс, обрекая их на участие, страдание и гибель в политических катаклизмах. Но главная цель политических идеологий – это овладение государством, ибо в реальности только оно одно способно воплотить в жизнь политические прожекты и проекты. И иногда это овладение становится таким тотальным, что превращает само государство в политический проект, а его граждан – в абстрактных индивидов, бесконечно далеких или свободных от своих реальных проблем.

Ключевые слова: парадигма, модерн, наука, идеология, модернизм, социализм, либерализм, политическая религия, идеократия.

Данная статья является очередной работой цикла исследований, посвященных парадигме модерна [12–14]. В ней получили освещение некоторые направления исследовательской мысли, не рассмотренные в достаточной сте-

пени в предшествовавших работах. Размеры статьи естественным образом ограничили аргументацию и проблемный спектр рассмотренной темы, в связи с чем данная работа представляет собой лишь частный исследовательский проект, не претендующий на завершенность и развернутые обобщения.

Парадигма

Отправной точкой любой исследовательской работы является названная или полагаемая общепринятой парадигма, если автор не отходит от существующего «мейнстрима». Это настолько значимый и фундаментальный феномен, что, как правило, остается вне рамок рассмотрения даже диссертационных работ. Вместе с тем выбор парадигмы не очевиден, а их интерпретациям нет числа. Традиционно исследователи сразу переходят к анализу политики или идеологических конструктов, что создает известные трудности в постижении идеи, которую автор старается донести до читателя.

В тех исследованиях, где парадигма упоминается, она определяется чаще всего через ее роль и структуру и, что естественно, в русле соответствующей научной дисциплины. Например, В. П. Петровский в психологическом аспекте рассматривает ее как сверхобобщающую функцию, как законченную в самой себе фундаментальную организацию мысли, которая проявляется как комплекс установок, предопределяющих манеру понимания и рассмотрения природы реальности, которые могут в оформленной структуре порождать многообразные философские, научные, религиозные, мифические и культурные системы и комплексы, имеющие как внешние различия, так и общий знаменатель [27, с. 320].

В политической науке в свою очередь вошли в оборот и являются общепризнанными иные трактовки. И прежде всего трактовка, вошедшая в российские учебники, что парадигма политологии – это теоретическое знание, определяющее способ объяснения изучаемых политических явлений и процессов, предмет дальнейшего исследования, а также выбор относящихся к нему фактов. В политической науке существует многообразие парадигм, создающих в своей совокупности разностороннюю, но противоречивую картину политики. Политология – полипарадигмальная наука. Выбор парадигмы в ней зачастую предопределяется философско-мировоззренческими ориентациями субъекта, которые в своем идеологическом измерении могут варьироваться от консерватизма до социализма или от анархизма до этатизма [15, с. 249; 26]. Здесь мы констатируем подмену парадигмы мировоззренческой парадигмой идеологической.

Чаще всего в политической науке в современных исследованиях выделяют четыре основных разновидности политических парадигм: теологическую, натуралистическую, биополитическую и социальную. В данном исследовании при анализе проблемы модерна автор исходит из рационалистической парадигмы, определившей модерн как новый (иной) по отношению к предмодерну социально-политический феномен.

Модерн как исторический проект

Модерн как явление имеет много определений, понятий и представлений. В данном исследовании термин понимается и используется в значении первого сознательного социально-политического проекта человечества.

По определению В. П. Визгина, на уровне методологической рефлексии в понятие проекта модерна входят три компонента: осознанное, подотчетное разуму целеполагание, целостность проектируемого в нем и обращенность в будущее, которое мыслится подконтрольным актуально данному разуму с его проективной активностью. При этом только единство всех указанных моментов создает проект. Если объединяются только две компоненты, например целеполагание и обращенность в будущее, без участия третьей, то это еще не проект, а обычная деятельность человека как разумного существа, присущая всем эпохам и культурам [3, с. 177].

Любой проект, даже не такой масштабности, предполагает точки отсчета: начальную и конечную. Если с начальными параметрами существует некий консенсус, хотя и не абсолютный, то с границами завершения – полная разногласия: от провозглашения его завершенности до самого расцвета. Вместе с тем имеются и иные позиции. В частности, В. А. Емелин считает, что трактовка модерна как исторического проекта напрямую не связана с хронологическими рамками.

Его понимание модерна опирается на то, что наряду с главенствующими модернистскими тенденциями во все периоды европейской истории, начиная с Античности, присутствуют и антимодернистские веяния. Так, в Новое время, когда господствовало модернистское мировоззрение, творили такие маргинальные фигуры, как де Сад, Ницше, Джойс и другие, чье творчество никак не вписывалось в сложившиеся мыслительные практики. Если рассматривать модерн как отражение всего мировоззрения Нового времени, то включенными в модернистский дискурс оказываются и те идеи, которые по своему духу модернистскими не являются. Подобного рода смешения можно избежать в том случае, если под модерном понимать определенные тенденции, пронизывающие всю историю европейской цивилизации и имеющие разную степень воплощения в различные ее периоды [7].

В период Просвещения возникло социал-эволюционистское разделение на интеллектуальное активное меньшинство и дезориентированное пассивное большинство, и до сегодняшнего дня это разделение усиливается [19].

Модерн как историческая эра характеризуется особым философским и научным мировоззрением – модернизмом. Для более полного его понимания необходимо обратиться к историческому осмыслению этого явления. Если понимать модернизм как мировоззрение, ориентирующееся на индивидуальность и научное познание, то исторические рамки эпохи модерна совпадают с рамками философии Нового времени (когда обосновываются принципы научного познания и рационализма у Бэкона, Декарта, Канта).

Если принять данную версию, то модернизмом следует считать рационалистическую философию, связанную с идеей независимости и активности субъекта, настаивающую на научности философского познания и категориальном характере языка философии, которая нашла свое продолжение в позитивизме и современной аналитической философии. В этом случае феномен модернизма в философии тесным образом связан с переходом от традиционного общества к индустриальному, т. е. со становлением капитализма, с появ-

лением самостоятельности индивида, способного преобразовывать мир по собственной воле [24].

Основной идеей этого мировоззрения была вера в возможность человеческого разума познать мир как некое целое, как единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам, а также убеждение в том, что выявление основных законов природы и общества не только будет способствовать историческому прогрессу, но и даст право на переустройство мира в соответствии с ними [7]. Таким образом, модернизм в своих теоретических построениях исходит из того, что человеку доступно абсолютное знание, которое можно воплотить в реальности.

Дискурс модерна строится на отрицании активного самодовлеющего сверхрационального начала, т. е. на отрицании «идеалистического», «горнего», «божественного» [19].

Лишь в модернистском универсуме общество становится потенциальным объектом эксперимента и воспринимается уже как некая сфера хаоса, к которой можно (и нужно) применить свободную от ценностных категорий теорию или же заранее заданную науку – политическую «геометрию страстей», экологию или же расистскую науку [8].

В свете вышеизложенного автор понимает модерн как европейский социально-политический и идеологический проект, базирующийся на рационализме и индивидуализме, определивший на полтысячелетия вектор развития мировой истории.

История в контексте модернизма

Модернизм, как и любая идеология, начинает с переосмысления истории. Это обусловлено осознанием новой идеологией себя как спасительницы класса, человечества и т. п. И если такая доктрина возникла, значит человечество развивалось неправильно, шло по ошибочному пути, который необходимо исправить. А для этого необходимо подвергнуть историю анализу, исходя из позиций и принципов, которые данная идеология считает правильными. История для идеологии – это не неизменные события и люди, а материал для формирования своей собственной предыстории, которая обосновывает закономерность появления данной идеологии.

И модерн – это не только (и не столько) конкретная историческая эпоха, это определенная мировоззренческая позиция, которая рассматривает историю как процесс восхождения от низших форм к высшим, причем новая ступень развития с данной точки зрения должна «преодолевать» или даже отменять предшествующую. Уже в этимологии этого слова заложен приоритет настоящего перед прошлым, которое рассматривается как нечто изжившее себя и подлежащее замене.

В. А. Емелин считает, что модерн – это эпоха, отличительной чертой которой является ориентация на новое, которое должно исправить «заблуждения» минувшего и, в свою очередь, стать фундаментом для будущего развития, конечная цель которого, по-видимому, будет чем-то сродни раю на земле. Идеологии модерна свойственно видение истории как прямой восходящего прогресса, в этом сходились как гуманисты эпохи Возрождения, так и просве-

тител и марксисты: все они были склонны к созданию социально-научных утопий, к построению «земных эдемов» [7; 11, с. 190].

История в эпоху модерна мыслится также как определенная логическая схема, задним числом прилагаемая к реальности, как определенная линейная последовательность прошлого, настоящего и будущего. Все исторические события подчиняются жестокой необходимой связи, определенному логическому порядку.

Такое «вульгарное» понимание истории, по мнению Ж. Дерриды, состоит в утверждении привилегии настоящего времени, в утверждении господства «теперь». Просвещенческая идея истории является историей для человека, историей человека. Человек является преданной целью этой истории. В этом смысле история телеологична, т. е. она предполагает некую высшую цель, к которой бессознательно стремится человечество. Прогресс истории выражается в самосовершенствовании человека. Культивируемая в этом проекте концепция истории человечества, так или иначе, ведет к апологии единства, тотальности, закрытости, тождества. Все другие характеристики истории, выпадающие из логики необходимой связности, оказываются исключенными. Результатом такого понимания истории неизбежно является апология тотального контроля, ориентация на абсолютную и всеобщую необходимость, исключаящую различие и многообразие, так же как случайное и уникальное [23].

Более того, европейское, или европоцентричное, сознание, по мнению А. Г. Дугина, отличается «гносеологическим расизмом» и постоянно осуществляет отождествление «западноевропейского», «европейского» и «универсального». Западноевропейская цель (миссия) истории берется как универсальная миссия истории человечества, на основании которой вырабатывается «универсальная» система оценок, критериев и шаблонов. Путь от традиционного общества к современному (и «постсовременному»), который прошел и продолжает проходить Запад, считается универсальным путем для всех стран, культур и народов. Их история рассматривается лишь как процесс «модернизации» и «вестернизации».

Очевидно, что история традиционных обществ (а к этой категории до сих пор принадлежит подавляющее число жителей Земли!) выпадает из такой телеологической парадигмы, движется по совершенно иной траектории. Следовательно, в глазах Запада «история» большинства человечества игнорируется в ее содержательном измерении, а внимание фокусируется лишь на тех ее фрагментах, где в ней дают о себе знать признаки «европейской» миссии, т. е. «элементы модернизации» [6, с. 243].

Идеология в эпоху модерна

Модерн – это царство политической идеологии. Как премодерн – царство идеологии религиозной. Идеология определяется парадигмой, но не напрямую, а через интересы конкретных социальных групп. В свою очередь политика определяется идеологией правящего класса. Конечно, это только схема, а жизнь многократно разнообразнее.

Термин «идеология» имеет три базовых значения: теория, ценность, интерес. Идеологическая конструкция всегда воплощена в теоретической моде-

ли, определенной когнитивной схеме и является результатом концептуализации социального опыта. Эта концепция представляет собой систему ценностей, побуждающих к действию и позволяющих выдерживать «давление социума». В идеологии артикулирован также групповой интерес (классовый, национальный, цеховой, корпоративный) [10].

Идеологии, являясь результатом интеллектуальной деятельности, основываясь на имеющемся, всегда направлены на желаемое; анализ существующего вскрывает его недостатки и вселяет разуму надежды на возможность их устранения. Существующее чаще всего воспринимается как нелогичное и несправедливое, лишённое разумной основы и системности. Иллюзия понимания основных проблем настоящего провоцирует исследователя на выработку теории совершенного общества будущего, основанного на справедливости и правде.

В отличие от религии идеология возникла как философское учение, стремящееся осмыслить мир с точки зрения человеческого разума. В ходе распространения учения оно переделывало государство и общество в соответствии со своими идейными положениями. Однако идеология редко становилась в традиционном обществе идейной доктриной государства, так как не была подкреплена верой в божественное происхождение своего учения. Только обмирщение обществ в ходе индустриальной революции позволило идеологии оттеснить религию в качестве идейной доктрины государств [18].

Идеология во времена модерна претерпела не только существенные изменения, но и, что самое главное, адресные. Она стала связанной не с божьим замыслом, а формировалась интеллектуалами от имени или во имя определенной социальной группы. А так как исторически значимых групп всегда больше, чем одна, было неизбежным появление нескольких идеологических доктрин, враждебно относящихся друг к другу. Начался процесс их осмысления и приспособления к политической практике.

Идеология, будучи неотъемлемым элементом культуры как системы оказывает воздействие на другие ее элементы, в том числе на искусство, науку, философию, религию, мораль, право. Но она и сама является системой и имеет свою структуру, включающую комплекс взаимосвязанных элементов. Идеология, как и культура, представляет собой сложное системное образование; этим объясняется многообразие подходов к ее определению, пониманию и структурированию [1; 32].

Осознание роли и значения идеологии произошло не сразу. Представители интеллектуальной мысли разных политических направлений XIX в. выявили наличие некой интеллектуальной матрицы политики, объединив в систему, казалось бы, разнородные элементы культурной, политической и социально-экономической реальности, и открыли для исследовательского мира феномен идеологии.

С. Кьеркегором, К. Марксом, Ф. Ницше и другими был поставлен вопрос о превращении представлений и теорий, которые ранее рассматривались как объективные, в некую систему клише и стереотипов, которые выполняют в обществе определенную функцию, связанную с личностью и интересами тех, кто их формулирует [17, с. 44].

К. Маркс первым назвал эти системы представлений «идеологией» (до него этот термин имел другое значение), он рассматривал их как всю систему господствующей культуры, выполняющую функции оправдания привилегированного положения господствующих классов [22, с. 25].

В результате научных поисков в XX в. было сформулировано положение об идеологии как системе представлений, норм и принципов, действующих как механизм сохранения и воспроизводства общественной системы, отражающей интересы заинтересованных в ее сохранении; или, напротив, тех, кто борется за ее разрушение. Также была выявлена ее важнейшая функция – интеграция индивидов в общество, дающая им ориентиры и создающая понятную картину мира.

Вместе с тем не стоит преувеличивать ее значение. Политическая идеология, как и философия (в том числе социальная), относится к мировоззрению как частное к общему, выражая рефлексивный уровень последнего [7].

Открытие не равноценно изобретению, политическая идеология существовала как минимум с начала государственного периода. Действующие политические деятели использовали ее, не подозревая о ее существовании как базовом элементе политического процесса.

Политические идеологии являются модификациями доктрин традиционного общества. В политическом аспекте эти доктрины выражали интересы определенных социальных групп – этносов, классов, инициатических структур, и уже поэтому выбор доктрины был всецело предопределен происхождением и объективными интересами своей группы [19].

Непонимание природы политической идеологии в значительной степени не позволяло политическому классу использовать ее в качестве инструмента воздействия на политическую жизнь своих стран. Для выявления идеологии требовался соответствующий уровень социально-политического развития государств и соответствующая квалификация исследователей. Связь разнородных элементов, составляющих каркас политической жизни любого государства, не предстает явной, но, находясь в разных плоскостях многоуровневой государственной машины, просто недоступна непосредственному участнику происходивших событий.

Я. Пекалкевич и А. Пенн определяют идеологию как «интегрированный набор теорий, утверждений и целей, составляющих общую программу организации общественной жизни. Она состоит из взгляда на прошлое, настоящее и будущее, на котором основана программа политического действия» [17, с. 45].

Сложность выявления идеологии усугублялась высокой степенью неоднородности составляющих ее элементов: прошлое, настоящее и будущее, реальное и виртуальное, социальное и индивидуальное, рациональное и иррациональное, жесткая привязка к современности и обязательная футуристичность.

Идеология, «схематический образ социального порядка» (по В. П. Макаренко) – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к социальной действительности и друг к другу, проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) общественных отно-

шений [28]. По определению В. Декомба, «идеология – это частичный дискурс, претендующий на то, чтобы быть универсальным» [5, с. 437].

Идеология находится в фокусе ряда гуманитарных и социально-политических дисциплин, представители которых давали свое описание (определение) этого феномена. При этом они, естественным образом, использовали соответствующий их наукам понятийный аппарат и терминологические наборы. Отсюда многообразие определений и подходов, которые не противоречат друг другу, но описывают разные грани и уровни этого феномена.

Т. Иглтон, автор фундаментальной работы «Идеология», приводит свыше двадцати дефиниций понятия идеологии, встречающихся в мировой философской литературе (и это далеко не полный перечень), и совершенно убежден, что «никто еще не дал единственного адекватного определения идеологии». Причину он видит в том, что термин «идеология» имеет целый ряд значений, несовместимых друг с другом. «Понятие идеологии, – замечает Т. Иглтон, – это текст, сотканный из всех тканей различных концепций, зачастую противоречащих друг другу, и поэтому более важно определить, что должно быть оставлено, а что может быть выброшено в каждой из них, чем соединить их искусственно в некоторую великую глобальную теорию идеологии» [32].

Вместе с тем идеология – не совокупность изолированных элементов или равнозначимых структур. В ней имеется иерархическая структура и отправная точка развития процессности. Любая идеология привязана к субъекту и, являясь элементом иллюзорного сознания, нуждается во внешней объективной точке привязки. Единственным признаваемым, более или менее однозначно, социальным институтом является иерархичность построения социума, а следовательно, его субъектность.

Согласно Л. Альтюссеру, категория субъекта «является конституирующей для всякой идеологии постольку, поскольку всякая идеология имеет функцию “конституирования” конкретных индивидов в субъекты». Каждая идеология строится вокруг некоего центра – Субъекта (это может быть Бог, нация, государство, класс и т. п.), через процесс принятия субъектом роли, навязываемой идеологией. Индивид подвергается трансформации как субъект для того, чтобы он свободно следовал заповедям Субъекта, т. е. для того, чтобы добровольно принимал свое подчинение [17, с. 45].

Субъект в любом обществе должен доказать, затем поддерживать в массовом и корпоративном сознании эту свою роль и функцию. Элементарные и материальные аргументы вроде силы и богатства действуют безотказно, но порождают в социуме ощущение несправедливости и желание бороться с их носителями. Причем эта борьба сразу же приобретает черты благородства, героизма и самопожертвования и множит ряды последователей. Субъект – это источник власти, который нуждается не только в покорности, но и в реальном согласии с данным порядком вещей.

Субъект (этнос, класс, структура и т. д.) предлагает свое проектируемое альтер его – идеологию, которая для рефлексивной части общества является системой идей-концепций, а для нерефлексивной части – системой идей-образов. Этот выбор осуществляется как на политическом уровне (парла-

мент), так и экономическом (рынок). Отсюда тотальное развитие риторики – в центре внимания стоят профессии политической пропаганды и экономической рекламы; что касается силовых и бюрократических элементов, то они носят вспомогательный характер [19].

В свою очередь каждая идеология стремится «натурализовать» себя, т. е. представляться не виртуальной конструкцией человеческого разума, а простым описанием естественного порядка. Как мыслительный конструкт, идеология отказывается от своего «первородства» и оригинальности и пытается вывести себя из некоего порядка мироздания, организованного Богом, Природой или Социумом.

Чистой идеологией является уже сама по себе модернистская позиция, предполагающая подход к обществу некоего свободного от всяческих ценностей ученого, копирующего подход естествоиспытателя к природе. И данная позиция является чистой воды идеологией не потому, что она (так же как и настоящая наука) спонтанно отбрасывает жизненный опыт как некий набор суеверий и предрассудков, а потому что она подражает естественным наукам, в действительности не являясь таковой.

Поэтому само понятие идеологии становится возможным лишь в либеральном универсуме с его основополагающим различием между людьми обычными (которые погружены в собственные миры значений и разрываются между фактами и ценностями) и холодными, рациональными наблюдателями, способными без каких-либо морализаторских предрассудков воспринять мир как механизм, регулируемый законами (страстей), – так же как и любой другой природный механизм [8].

Хотя политическая идеология существовала во все государственные времена, в индустриальном обществе ее интегрирующая и мобилизационная роль существенно повысилась за счет принципиальных изменений характера общества. Это обусловлено прежде всего постоянным повышением роли массовых коммуникаций через СМИ в индивидуальном сознании и превращением населения планеты в совокупность массовых аудиторий.

М. К. Мамардашвили выделил предпосылки возникновения современных идеологий: 1) появление «идеологических социальных структур» или «массового общества» (значительного слоя населения с относительно высоким уровнем жизни, существующего за счет творческого и высокотехнологичного труда других, что сделало возможным массовое размножение труда в виде продуктов); 2) массовость духовного производства, безличный характер интеллектуального труда за счет его специализации и индустриализации. Это дало возможность намеренной фабрикации сознания, «чтобы охватывать головы людей так, чтобы в действиях этих людей воспроизводились, реализовывались те или иные социальные проекты и задачи», в результате чего «через одинаковость их мышления достигается какая-то одинаковость их поведения» [20, с. 63].

Человек модерна мыслит идеологемами, пытаясь заполнить социальное пространство некими умопостигаемыми сущностями. Свойствами субъектности наделяются интеллигибельные феномены – нации (народы), цивилизации,

представляемые участниками всемирно исторического процесса, за которыми признаются те качества, которые присущи отдельным индивидуумам [29, с. 105].

В общественном сознании идеология не должна существовать как внешняя данность, как элемент управления. Если она не мимикрирует под системы представлений большинства общества, если она не освоит технологии внутреннего манипулирования населением (электоратом), она будет отвергнута и станет предметом борьбы. Она должна восприниматься как своя, как самостоятельная теория большинства, как им сформулированная для защиты или борьбы с властью идейная конструкция.

Идеология структурирует повседневный опыт, определяет стратегию и модус поведения. Успешность идеологии зависит от того, в какой мере она «не позволяет увидеть противоречия между предлагаемыми ею конструкциями и действительностью». Идеологическое измерение заключено в эффекте «искажения перспективы». Искажение возникает тогда, когда «элемент, репрезентирующий в структуре высказывания то, что значение высказывания имманентно акту его провозглашения, воспринимается как некий трансцендентный гарант» [9, с. 56, 105].

Множественность идеологий вызывает желание их классификации. Своеобразное решение проблемы типологии идеологии предложил А. Тойнби. Он обратил внимание на три формы идеологии: национализм, индивидуализм и коммунизм. Ученый полагал, что «конкурирующий индивидуализм, пчелоили муравьиноподобный коммунизм и национализм, базирующийся на племенном уровне сознания, – все они в плане обезличивания подобны друг другу и сродни технологиям» [31, с. 395].

Идеология как явление, относящееся к миру метафизики, постоянно вступает в конфликт с материальным и бытовым восприятием мира. Это противоречие вводит многих исследователей, политиков, деятелей искусства и бизнеса в искуc запретить или отменить идеологию, или объявить об ее смерти, т. е. считать, что идеологии нет, что она заменена другими сущностями.

Многие западные ученые считали, что развитие науки и техники, умелое ее использование, направленное не только на создание современного машинного производства, новых технологий, но на этой основе и современного быта, оказали огромное влияние на мировоззрение людей, подмяв под себя идеологию. Эту мысль развивали, в частности, представители Франкфуртской школы (Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас). Это и послужило основой для возникновения в рамках западной культурной парадигмы такой идеи, как «деидеологизация».

Провозглашаемое на Западе отсутствие официальной идеологии предоставляет правящему классу широкие возможности для политического маневрирования. Тен А. ван Дейк справедливо обратил внимание на существование широкого спектра возможностей (от экономических до символических стратегий), с помощью которых «властные группы могут выстраивать фрагменты доминирующей идеологии» [30, с. 57]. При этом отказ от использования понятия «идеология» отнюдь не равнозначен тотальной деидеологизации, скорее наоборот.

Деидеологизация на Западе вскоре сменилась реидеологизацией, но в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России произошел ее ренессанс. Российские реформаторы исходили из того, что экономические интересы индивида заменят всякую идеологию и примирят людей. Естественным образом этого не произошло. Наоборот, огромная пропасть между бедными и богатыми россиянами многократно усилила социальную напряженность в стране. Экономические интересы людей прежде всего и защищаются через систему социальных идей, в том числе посредством идеологии [32].

Только та идеология может претендовать в массовом сознании на истинность, которая отвергает это качество у других. Человеческому сознанию присуще ощущение единственности истины. Ведь при наличии даже двух истин возникает вопрос, какая из них истинна. Идеологии, не придерживающиеся этого правила, не политичны и маргинальны. Настоящая идеология всегда монистична. Монизм (от греч. «монос» – один) в основе всей действительности ищет и усматривает одно начало. Отличие монистической идеологии состоит в том, что реальность в ней может быть правильно интерпретирована только на основе «универсально верного и исчерпывающего» набора идей.

В то время как другие идеологии являются частичными по своему интерпретационному охвату, монистическая идеология претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей и абсолютной. Она подразумевает объяснение всех аспектов реальности. В связи с этим она отвергает любое разделение различных областей человеческого поведения, включая разделение политической, социальной, экономической, этической и эстетической сфер человеческой деятельности.

Поэтому политическая система, базирующаяся на монистической идеологии, воспринимает себя как универсальную, включающую в себя все сферы человеческого общества. Монизм также отрицает необходимость допущений, связанных со сложностью, но вместо этого утверждает абсолютное знание реальности, которое не принимает во внимание более непосредственное чувство неопределенности [17, с. 47].

Монистическая идеология лежит в основе современных империй или квазиимперий, а правильнее сказать, попыток и экспериментов по их созданию. К их ряду относятся большевистский и нацистский эксперименты, новоиисламские движения (в широком смысле), европейское союзное строительство и американский гегемонизм.

Идеократия в модерне и современности

Политическую систему, основанную на монистической идеологии, обычно называют идеократией. От других типов политсистем ее отличает тот факт, что она выводит легитимность своих программ действия исключительно из положений самой идеологии. В отличие от нее в других системах политическое действие оправдывается отсылкой не только к конкретной идеологии, но и к стандартам, источниками которых являются иные своды правил, например нормы, регулирующие политическое поведение, научные исследования, художественное творчество, – нормы, вытекающие из сферы человеческого поведения.

Исследователи выделяют множество видов и разновидностей идеократии. В частности, В. В. Панкратов приводит примеры интерпретаций идеократии: форма теократии; сущность Верховной власти; социальный строй «Правды»; система служения автаркическому культурному миру; выражение российского национального универсализма; идеалистическое оправдание чистого господства; смысловой момент тоталитарного политико-мировоззренческого комплекса (утопизм; ценностный абсолютизм; телеологизм; холизм; радикализм), противостоящего гражданско-демократическому; глубоко идеологизированная власть, противопоставленная власти *realpolitik*; сплоченные и легитимированные проектом будущего элиты; власть «большой» и «альтернативной» Идеи; объективация примордиальных импульсов этносов [25, с. 65].

Авторы одного из немногих монографических исследований идеократии Я. Пекалкевич и А. Пенн пишут, что легитимность идеократической политической системы вытекает из принципов монистической идеологии. Как уже упоминалось, монизм в основе действительности ищет и усматривает одно начало. Предполагается, что те, кто принимают решения в этой системе, используют строго определенную систему критериев, которая позволяет им абсолютно верно интерпретировать события. Поэтому их решения безошибочны.

А. В. Лукин соглашается с Я. Пекалкевичем и А. Пенном в том, что наиболее изученным видом идеократии являются тоталитарные режимы XX в. (нацистской Германии и сталинского СССР), и с тем, что они выделяют и второй ее «идеальный тип» – популистскую идеократию. Она основана на добровольном принятии, обусловленном высоким уровнем поддержки широко распространенной монистической идеологии. Таким образом, если в тоталитарной идеократии основную роль играет насильственное навязывание идеологических постулатов, то в популистской – их добровольное (или кажущееся таковым) принятие большинством [17, с. 47].

Я. Пекалкевич и А. Пенн признают, что все общества, в том числе и демократические, не чужды каких-то форм идеологии. Однако демократия, по их мнению, отличается от идеократии идеологическим плюрализмом, который противопоставляется идеологическому монизму. В качестве примера они приводят США, где система убеждений включает в себя такие концепции, как правление, осуществляемое народом, управление по закону, неотъемлемые права человека, триумф демократии и т. д. По их мнению, отличие американской плюралистической системы от идеократической состоит в том, что она включает в себя конфликты на идейной почве как норму.

По мнению А. В. Лукина, действительно, сравнение американской и современных европейских политических систем со сталинской или гитлеровской показывает большую плюралистичность первых. Но разница здесь количественная, а не качественная. В тоталитарных обществах также велись дискуссии относительно истории или политической системы. Они были, и даже очень острые, но их область была крайне узка, а рамки и формы дозволенного серьезно ограничены. Однако и в современном западном обществе рамки дозволенного хотя и принципиально шире, не только существуют, но и постоянно сужаются.

Я. Пекалкевич и А. Пенн сами указывают на эти рамки, говоря о том, что в американском обществе может вестись дискуссия по некоторому набору убеждений, который, однако, ограничен и избирателен. Дискуссия же по другим убеждениям вряд ли возможна. Тем самым они отходят от научной объективности, оправдывая политические действия в неидеологических системах не идеологией, а сводами правил, нормами, научными исследованиями, художественным творчеством и т. п.

По мнению А. В. Лукина, это малоубедительно, так все это в современном социуме относится к идеологии. Яркие свидетельства тому – появление идеи «политкорректности» и распространение в университетах и других учреждениях различных «кодов языкового общения». По мнению ряда наблюдателей, подобные коды порождают новое явление – «карательную оборонительность» и создают культуру, «в которой каждый должен дважды подумать, перед тем, как говорить, чтобы не быть обвиненным в бесчувственности, агрессии или даже в чем-то худшем» [17, с. 48]. Такая культура хорошо знакома всем, кто жил в СССР.

В полном соответствии с определением монизма Я. Пекалкевичем и А. Пенном расширяется сфера охвата западной идеологии: она уже затрагивает не только политику, но и регламентирует семейные отношения, отношения между сослуживцами и коллегами, определяет формы воспитания и образования детей и т. п. Различные стороны жизни общества и научного знания сливаются в ней в единое целое: под нужды идеологии подстраивается медицина, антропология и другие науки. Происходит стирание грани между научным знанием и идеологическим постулатом: и за тем, и за другим стоит не объективное, научное исследование, а интересы лоббистских групп.

Западное общество, как считает А. В. Лукин, пока значительно уступает тоталитарным и даже авторитарным режимам по уровню репрессий. Но это не означает, что его идеология не является монистической. Ее повсеместное господство обеспечивается значительно более высоким уровнем убежденности субъектов, принятием ее постулатов обществом. Пока там успешно функционируют модели популистской идеократии, для большинства населения жесткие репрессии являются объективно ненужными [17, с. 49].

По мнению В. В. Панкратова, идеократия оказывается внутри расколов идеологий, всегда в некотором «между», поэтому использование данного концептуального конструкта для обращения к проблемным моментам и средоточиям идеологий достаточно перспективно. При этом появляется возможность отодвигать на дальний план искажающие картину ценностные коннотации, а также публицистические спекуляции, обусловленные яркостью, неопределенностью и «боевой» историей понятия [25, с. 67].

Идеократия – достаточно редкий тип государства, более распространенным является идеогосударство, к которым на сегодняшнем этапе и принадлежат США. В этих странах идеология действительно отражает существующую политическую систему. В обществе господствует официальная идейная доктрина, но, в отличие от идеократии, члены этого общества не обязаны являться пропагандистами этой идеологии. Поэтому данное общество более терпимо

к представителям других идейных доктрин, что, впрочем, не исключает в случае обострения идейной борьбы их уничтожения.

В совокупности этих стран выделяются две группы – идеологические проекты и зависимая периферия. Идеологические проекты – это самостоятельные государства, которые являются лидерами идеологической зоны распространения идеологии. В идеологическую периферию входят государства, находящиеся в военной или экономической зависимости от идеологического гегемона либо добровольно к нему присоединившиеся.

В XX в. в результате экспансии либерализма появились идеоимитации, а после победы либеральной идеологии во всемирном масштабе число таких государств возросло многократно. В таком типе общества социально-политическое устройство формально создается по канонам либеральной идеологии, но в реальности режим является замаскированной автократией или олигархией.

Подобное устройство общества во многом возникает из-за того, что либеральный режим не является, как проповедают сторонники либерализма, универсальной политической системой. Либеральная демократия не может функционировать без теневой системы власти, которая обеспечивает стабильность этой модели политического устройства. Без нее либеральная демократия может привести общество к краху из-за невозможности обуздания интересов различных групп общества. Предотвратить распад общества в этом случае возможно лишь воссозданием автократии, которая формально сохраняет институты демократии для обоснования своей власти, но при этом консолидирует общество авторитарными методами управления.

Однако в силу мирового господства либеральной идеологии и принятия ее в качестве официальной доктрины своего государства такие общества, по мнению М. Лунина, не могут выработать идейную доктрину, соответствующую своему реальному состоянию. В результате чего идеоимитация не может нормально развиваться, так как разрыв между принятой идеологией и существующей социально-политической системой серьезно затрудняет выработку стратегических решений по развитию общества [18].

Есть и другие подходы к определению идеологической сущности американской политической системы, определяющие ее как «квазирелигиозную». Понимая, что это совершенно разные сущности, более того, враждебные друг другу, мы находим множество граней, присущих обоим феноменам.

С 1938 г., после того как Э. Фегелин ввел в научный оборот понятие политических религий, понимая под ними светские политические идеологии и политические институты, замещающие традиционную религиозность, оно стало ассоциироваться главным образом с феноменом тоталитаризма. В настоящее время наиболее известным исследователем данного феномена выступает Э. Джентиле, который рассматривает политические религии в качестве новой интерпретации политики [29, с. 103].

Либеральное вероучение (политическая идеология либерализма) также проникнуто мессианской идеей и отличается нетерпимостью к альтернативным взглядам (допускает применение насилия ради торжества «истинной»

идеи), обладает собственными «священными текстами», имеет своего рода катехизис, пророков и мучеников за веру.

В. Ю. Катасонов, рассматривая современную «денежную цивилизацию», обнаруживает в существующей глобальной либерально-экономической системе ряд черт, присущих церковной организации: наличие разработанной системы вероучения и культа; существование жесткой иерархии и централизованного управления, духовенства и мирян [16, с. 164].

У. Шмид, обосновывая присутствие политической религии в современном обществе, заметил, солидаризируясь с немецким правоведом Э.-В. Бекенферде, что важной проблемой, с которой столкнулось либеральное секулярное государство, явилась невозможность вывести из самого себя легитимность собственной системы политического правления. Этой цели служит целый ряд ритуалов гражданской религии, «призванных создать видимость того, что современное государство может гарантировать свои собственные основания» [33, с. 232].

Наиболее ярким примером торжества политической религии в странах Запада служат США. В американской науке, благодаря работе Р. Н. Белла, утвердилось понятие гражданской религии. С точки зрения исследователя, в Соединенных Штатах присутствуют «некоторые общие элементы религиозной ориентации», которые играли и продолжают играть решающую роль в развитии политических институтов [4, с. 167].

И эта религиозность, не ограничиваясь политическим процессом, проникает во все поры государства. Сегодня «права человека» – это предмет веры, центр господствующей идеологии, в котором нельзя сомневаться. Такими же предметами веры стали понятия «демократия», «рыночная экономика», «глобализация», «гуманитарная интервенция» и т. п. По существу, господствующая идеология превращается и в светскую религию, со своими святыми понятиями, которые являются объектами поклонения, фетишами. Причем эта новая религия выходит за рамки национальных государств, становится идеологией всего западного мира, пытаясь выдать себя за научную и универсальную категорию [17, с. 48].

Анализ ряда работ позволяет сделать вывод о циклическом характере развития гражданской религии в США [29, с. 104]. Один из наиболее влиятельных современных западных социологов М. Манн признает проблему периодических прорывов в политику религиозного фундаментализма, а неолиберализм в понимании исследователя предстает по-настоящему утопической идеологией [21, с. 78].

Последний тезис как раз и взят на вооружение российскими исследователями США как авангарда западного мира, усматривающими преобразование американской версии неолиберализма в идеократию [2, с. 219].

Анализ парадигмы, идеологии и политики модерна ставит перед исследователем возрастающий ряд проблем. Попытки их решения приводят к пониманию наличия новых проблем и парадоксов. По мнению автора, это в первую очередь связано с постоянным развитием модерна как социально-политического проекта, с поколенческой дискретностью исследовательского

процесса и существованием политики как многомерной реальности. Исследовательский процесс бесконечен и безальтернативен, интеллектуальный уровень человечества постоянно возрастает, что усложняет глобальный Социум. Тем самым Наука не только позволяет понять существующее, но она также создает несуществовавшее, при этом необходимо понимать, что она является связующим звеном между прошлым и будущим, но не единственным, так как есть еще Культура и бесконечно изменчивая Природа.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Идеологический элемент правовой системы: к вопросу о методологических доминантах структурного анализа / И. А. Арзуманов // Правовая система России: традиции и инновации : материалы X Всерос. НПК / под общ. ред. Н. С. Нижник. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2013. – С. 121–126.
2. Асонов Н. В. Объективизм и политическая идеология / Н. В. Асонов // Власть. – 2015. – № 4. – С. 216–220.
3. Визгин В. П. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз / В. П. Визгин // Философия науки. Вып. 8. Синергетика человекомерной реальности. – М. : ИФ РАН, 2002. – С. 176–199.
4. Гражданская религия в Америке Роберта Н. Белла / пер. с англ. С. Б. Веселовой, В. А. Егорова // Вестн. Русской христиан. гуманитар. акад. – 2014. – Т. 15, вып. 3. – С. 162–182.
5. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / Винсент Декомб ; пер. с фр. М. Голованивской. – М. : Новое лит. обозрение, 2011. – 576 с.
6. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / Александр Дугин. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 382 с.
7. Емелин В. А. Постмодернизм: в поисках определения [Электронный ресурс] / В. А. Емелин. – URL: <http://emeline.narod.ru/postmodernism.htm> (дата обращения: 02.02.2016).
8. Жижек С. Либерализм – политика для дьяволов [Электронный ресурс] / Славой Жижек. – URL: <http://liva.com.ua/liberalism-for-devils.html> (дата обращения: 02.06.2016).
9. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Славой Жижек ; пер. с англ. В. Софронова. – М. : Худож. журн., 1999. – 236 с.
10. Загвозкина Ю. Современные мифы и традиции, к проблеме демаркаций [Электронный ресурс] / Ю. Загвозкина. – URL: <http://brennoe-i-vechnoe.narod.ru/05-19.html> (дата обращения: 12.07.2016).
11. Зуляр Р. Ю. Ключ к исследованию социально-гуманитарных проблем Сибири / Р. Ю. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 188–191.
12. Зуляр Ю. А. Идеологические и политические интерпретации неолиберальной парадигмы / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 12. – С. 14–25.
13. Зуляр Ю. А. Кризис основных парадигм модерна / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 15–29.
14. Зуляр Ю. А. Модерн как парадигма и развитие ее в реальность / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13. – С. 9–27.

15. *Казарин В. Н.* Сибирь в начале XXI в.: политологический взгляд участников Всероссийской конференции / В. Н. Казарин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2(11), ч. 1. – С. 244–254.
16. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В. Ю. Катасонов ; науч. ред. О. А. Платонов. – М. : И-т рус. цивилизации, 2013. – 1072 с.
17. *Лукин А. В.* Новая международная идеократия и Россия / А. В. Лукин // Сравнительная политика. – 2016. – № 1 (22). – С. 41–57.
18. *Лунин М.* Мировой идеологический ландшафт [Электронный ресурс] / М. Лунин // Завтра. – 2014. – 23 авг. – URL: <http://zavtra.ru/content/view/mirovoj-ideologicheskij-landshaft/> (дата обращения: 02.06.2016).
19. *Малер А.* Метафизика Красного Стяга [Электронный ресурс] / А. Малер. – URL: <http://www.nationalism.org/tr/B/maler.htm> (дата обращения: 02.07.2016).
20. *Мамардашвили М. К.* Очерк современной европейской философии / М. К. Мамардашвили. – М. : Азбука, 2014. – 608 с.
21. *Манн М.* Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / М. Манн ; пер. с англ. К. Бандуровского ; под ред. А. Смирнова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 208 с.
22. *Маркс К.* Немецкая идеология. Т. 3. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955. – 689 с.
23. *Нарижный Ю. А.* Философия постмодернизма [Электронный ресурс] / Ю. А. Нарижный. – URL: <http://postmodern.in.ua/?p=1695> (дата обращения: 03.05.2015).
24. *Ольшанский Д. А.* Основы идеологии модернизма [Электронный ресурс] / Д. А. Ольшанский. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/olshanskiy-da/osnovy-ideologii-modernizma> (дата обращения: 02.07.2016).
25. *Панкратов В. В.* Концепт идеократии: содержание и перспективы / В. В. Панкратов // Российский социум: Философия. Идеология. Политика. – 2015. – № 2. – С. 57–70.
26. Парадигмы политической науки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=1029> (дата обращения: 02.09.2015).
27. *Петровский В. П.* Личность в психологии: парадигма субъектности / В. П. Петровский. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 512 с.
28. *Попов Э. А.* Профессор А. Г. Дугин и проблема определения понятия «консерватизм» [Электронный ресурс] / Э. А. Попов. – URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/090610184410.xhtml> (дата обращения: 02.07.2016).
29. *Ромашко А. В.* Идеократический фактор в современном политико-правовом сознании / А. В. Ромашко // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 3. – С. 101–106.
30. *Тен А. ван Д.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / А. ван Дейк Тен. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
31. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории : сборник : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Рольф, 2002. – 592 с.
32. *Хорина Г. П.* Идеология как элемент системы культуры [Электронный ресурс] / Г. П. Хорина. – URL: http://tourism.mosgu.ru/o_fakultete/kafedra/cultural/Nayka/Horina.htm (дата обращения: 12.07.2016).
33. *Шмид У.* Политическая религия в России. Конституция 1993 г. как Священное Писание : пер. с нем. / У. Шмид // Логос. – 2014. – № 3 (99). – С. 231–241.

Paradigm and Ideology of the Late Modernity Society

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Paradigm as a phenomenon and Modernity paradigm in particular, as the most complex phenomenon of the global civilization, are recognized. Fundamental nature of the concept manifests itself in the form and process which are out of one's depth. But each and every one has been able to exist without recognizing its essence and the nature of the universe. Modern world is the world of Modernity whether people and nations know and agree with it or not and picture it to themselves the other way. Modernity is the first conscientious social and political project of mankind, and it is a historical project. It is the project having its boundaries, forms, structure, and culture, but without any purpose or reason, human at least. The attempts to turn it to one's advantage are pointless, even if it is entire civilization's pursuit. Modernity is ongoing efforts of mankind to build suitable (or proper) universe model comprising culture, economics, politics and human being. And these efforts are the result of implementation of various ideologies being virtual constructs and creative technologies. Ideologies put on a mask of natural processes, pretend to be religious doctrines, take the form of scientific projects. Being virtual cognitive constructs they seize people's consciousness dooming them to participating, suffering, and dying during political cataclysms. But the main purpose of political ideologies is to seize the state since in fact it is a state that enables to implement political projects and pipe dreams. And sometimes the seizure becomes total and turns the state itself into a political project, and its citizens into abstract individuals being infinitely distant and free from their real problems.

Keywords: paradigm, Modernity, science, ideology, modernism, socialism, liberalism, political religion, ideocracy.

Зуляр Юрий Анатольевич

*доктор исторических наук, профессор,
декан, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)334372
e-mail: uzulyar@yandex.ru*

Zulyar Yuriy Anatolievich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Dean, the Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: uzulyar@yandex.ru*